

причинам широко распространенное в русских говорах Европейской России слово *кулага* 'густой напиток, приготавливаемый из пророщенного зерна' едва ли может быть тюркизмом по сопоставлению с южносибирскими тюркскими названиями хлебных всходов, ростков типа тобол. алт., тел. *қулаға* (*qulğa*), хакас. *хулға* (*xulğa*).

Большая статья Г. В. Глинских «Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде» фактически представляет собой этимологический словарь такого рода топонимов с опорой на абильный мансийский диалектный материал и без этимологизации соответствующих мансийских апеллятивов. Так, при анализе речных названий типа *Агарья*, *Агра*, *Агрел*, возводимых к манс. *ауьг* 'водоворот', было бы желательно сопоставить последний с чуваш. *авӑр* (из *ауьг) с тем же значением для выявления булгарско-мансийских связей. Для гидронимов *Ку́мба*, *Побныня*, *Ялом*, возводимых у Г. В. Глинских к манс. апеллятивом *хул(у)п*, *пон*, *йӓлм* и т. п. со значением 'сеть, невод', следует предположить промежуточную семантическую ступень 'место рыбной ловли, тоня', возникшую на базе значения 'орудие для рыбной ловли, невод'. Это название невода восходит к тюрк. *йылым* (от *йыл*- 'ползти'), которое было заимствовано также и в ряд других языков, приобрета и в них значение рыболовного угодья, тони. Именно такое значение имеет ст.-рус. донское *ильмъ* в цитате: «Бирали. . . котлы большие, неводы и нити на *ильмы* рыбные» (Дон. д. IV, 348), ср. в Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 6, 224: «небольшой невод». Более ярко значение 'рыболовное угодье, тоня' проявляется в Хожени кушца Ф. А. Котова в Персию, 1624 г.: «по русскому тоня а в Астрохани зовут *ильмъ*». Ср. также чуваш. *йӓлӓм* 'пойма, луговая сторона Волги, заволжский сосновый лес'⁹. В связи с наличием у названий невода вторичного значения 'рыболовное угодье' их употребление применительно к рекам вполне возможно и без номенклатурного компонента (географического термина).

Случаи разной этимологической трактовки одного слова в пределах сборника (слово *щерба* 'уха' толкуется то как болгарско-славянское на с. 41, то как тюркское заимствование на с. 98—99) должны быть соотнесены.

Сборник вводит в этимологическую практику большой фактический материал в квалифицированной обработке и весьма способствует выяснению источников русской диалектной апеллятивной и топонимической лексики.

Судя по первому сборнику, новая этимологическая серия обещает быть интересной.

В. Я. Дерягин, И. Г. Добродомов

⁹ Ср. несколько иначе: Добродомов И. Г. Пути проникновения булгарских элементов в славянские языки. — В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974, с. 39—40.

O. Szemerényi. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages with special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. — Acta Iranica. Textes et mémoires, V. VII. Extrait. Édition Bibliothèque Pahlavi. Téhéran — Liège, 1977

Несколько раньше выхода этой своей обобщающей монографии об индоевропейских терминах родства О. Семереньи писал в статье на близкую тему: «Оживление вокруг системы индоевропейских терминов родства, которая вызывала столько интереса в прошлом столетии и еще в начале этого столетия, постепенно как будто затихло. Еще выходят различные исследования большего или меньшего объема, но речь в них идет едва ли о приобретении новых знаний, а самое большее — о новых интерпретациях (антропологического толка) уже известных данных. И, однако, в этой области, есть, как мне кажется, еще много проблематичных моментов, которые ждут разъяснения и даже дают решение в руки, если строго соблюдать аспекты и требования сло-

вообразования»¹. В то самое время, когда писались эти слова насчет затихья в исследовании терминов родства, другой западногерманский индоевропеист Р. Нормье (R. Normier, Саарбрюкен) в каких-нибудь двухстах километрах от О. Семереньи (Фрайбург) заканчивал свою работу об индоевропейских терминах родства, а двумя годами раньше (1975 г.) вышла в Чехословакии книга В. Шаура об этимологии славянских терминов родства². Таким образом, упомянутое затихье иллюзорно, точнее сказать, его нет совсем, и книги о названиях родства пишутся сейчас не реже, а даже чаще, чем во времена Дельбрюка. Другое дело — это то, что, помимо собственно лингвистических работ и даже несколько заслоняя собой эти последние, выходили в свет разные антропологические системы, где много сложных схем и свободных аналогий, много говорится о самих системах родственных отношений и очень мало лингвистического содержания. Делать прямые заключения от родственных отношений людей к структуре самих слов, обозначающих эти отношения, так же неверно, как по данным археологии судить о прошлом языка. Язык отражает внеязыковую действительность, но отражает своеобразно, поэтому в исследовании терминов родства мы вновь должны уделить главное внимание не антропологии и не системам родства австралийцев, а этимологии и словообразованию названий родства.

Далее, парадоксально, но до сих пор остается фактом, что индоевропеистика моделирует свои представления об индоевропейском на базе классических (включая индоиранские) и западноевропейских языков и в очень малой степени — на славянских данных. Это можно не колеблясь сказать об индоевропейских реконструкциях Бенвениста и Трира. Семереньи лучше знает и больше учитывает балтийские и славянские языки, но и у него сказывается это «special reference to...» (а по сути дела — preference of...) часть языковых фактов, что, конечно, ослабляет некоторые «окончательные решения». Поэтому мы в своей рецензии на новую важную книгу Семереньи остановимся главным образом на вопросе адекватности лингвистических (этимологических, словообразовательных, семантических) реконструкций и толкований.

Индоевропейская лексика родственных отношений стара, как сам индоевропейский, даже в отдельных элементах старше индоевропейского языкового типа как такового, поэтому мы должны думать также о достижимой глубине реконструкции. Ясно, что ниже определенного предела реконструкция не поддается уже никакой проверке. Такова, например, этимология лат. *piscis* и т. д. 'рыба' < и.-е. **ap-isko-* 'водяная' (Тиме). Не менее сомнительна реконструкция и.-е. **prijo-* 'близкий, милый', 'свободный' < **per-* 'дом' (см., вслед за Ришем, Szemerényi, p. 122), если, во-первых, соответственные последнему, кроме анатолийского, известны, пожалуй, только в египетском (!). Во-вторых, трудно все-таки отрицать естественный характер словообразовательной связи и.-е. **prijo-* и **prej-*. К последнему пространственному наречию-предлогу-префиксу относятся лит. *prie*, слав. *pri*. До конца не изученные отношения лит. *prie* и лтш. *pie* предостерегают нас от слишком решительных выводов, ср. и возможный параллелизм др.-инд. *priyá-* и лат. *prius*.

Древность и словообразовательно-морфологическую, типологическую широту индоевропейских терминов родства иллюстрирует наличие в ней не только классических ранне- и позднейноиндоевропейских атематических и тематических моделей развитого словообразования, но и совершенно иных, простейших типов: *pa, *ma, *papa*, *tata*. Назвать эти последние слова Lallwörter, nursery-type words еще не значит решить проблему. Эмоциональность употребления, постоянная репродукция этих слов в их «неизменном», ахроническом виде (рус. *nana* звучит почти так же, как анатолийск., палайск. *papa*-тысячелетия назад) не должны заслонять факта их глубокой и преемственной древности, сравнительно с морфологически оформленным *pater, *pater, производным от «детского» *pa*. Было бы упрощением считать, что этот

¹ Szemerényi O. Das griechische Verwandtschaftsnamensystem vor dem Hintergrund des indogermanischen Systems. — Hermes, Bd. 105, Heft 4. Wiesbaden, 1977, S. 385.

² См. мою рецензию: Этимология. 1976. М., 1978, с. 166—167.

словообразовательный акт состоялся абсолютно во всех языках, даже в тех, где нет никаких следов и.е. *pater как в анатолийских (Szemerényi, p. 7). Архаизм последних именно в том и состоит, что они остались при названиях отца простейшего типа — *atta-*, *papa-*. Автор не очень уверен в том, что слав. *stryjъ восходит к и.е. *pater или его производному (там же) и, кажется, совсем упускает из виду еще один вероятный славянский его континуант — болг. *náctrok* 'отчим' < и.е. **pō-pator*³. Автор справедливо негодует по поводу нередких и сейчас попыток истолковать и.е. *pater как некий эпитет, имя деятеля 'защитник, покровитель' (Szemerényi, p. 9). Однако для нас осталось неясным принципиальное отличие этой семантической реконструкции от той, которую автор предлагает для и.е. *dhugater — 'the person who prepares a meal' (Szemerényi, p. 22). В таких случаях лучше писать *ignotus*. Со стороны словообразования, очень сомнительно производство *dhugater с суф. *-ter* от вокатива *dhugə (там же), идея, которую автор повторяет в случае с названием жены брата мужа: *ienater зв. п. *iena (Szemerényi, p. 92). Логичнее, конечно, и тут признать полную неясность основы. Впрочем, более внимательная проверка значения ('жена брата мужа', 'жены братьев по отношению друг к другу') позволяет нащупать четкую семантическую идею оппозиции, которая хорошо согласуется с противопоставительным формантом *-ter-*. Поскольку в данном случае оппозиция выражается и в значении слова, кажется возможным высказать предположение о соответствующей этимологии корня слова: *i-nə-ter, где **i-/ie-* — указательное местоимение, *-nə-* < *-no-* — энклитика, ср. др.-инд. *yatarā-* 'который из двух' в качестве базовой конструкции. Кажется, что изложенная гипотеза лучше учитывает специфику употребления и особенности системы. Таким образом, если *papa* и *mama* — это, так сказать, дограмматические термины родства, то *inater, *ienater — целиком морфолого-словообразовательная конструкция, сложность которой может говорить о ее позднеиндоевропейской хронологии. Другие образования на *-ter* занимают промежуточное положение, и этимология их по-прежнему неясна. Это относится, например, к **bhrāter-*, о котором можно сказать несомненно только то, что оно принадлежит к именам на *-ter-*. Едва ли можно считать удачным поэтому авторское членение *bhrāter 'принеси огонь' (так Szemerényi, p. 25).

Я не буду подробно излагать анализ термина 'сестра' (Семереньи членит не *sye-sor, а *sy-esor, согласно своей теории об и.е. *esor 'женщина', гласное начало которого остается для нас неясным), упомяну лишь интересный пассаж (начиная со с. 42) о выделяемом здесь корне **su-* 'род, семья' и производных отсюда притяжательном местоимении **syo-*. Разъяснению первоначальных отношений здесь весьма помогают удачно используемые Семереньи архаические особенности употребления этого местоимения именно в славянском, ср. рус. *я* — *свой*, *мы* — *свой*, т. е. независимо от лица, что в большинстве языков подверглось вторичной перестройке типа *я* — *мой*, *мы* — *наш*.

Правда, в других случаях автор не полностью учитывает индоевропейское наследие в славянском, например его утверждение о том, что и.е. **awo-* встречается в балто-славянском только в производных формах и только в значении 'дядя' (Szemerényi, p. 47), необходимо поправить, указав на известное прямое продолжение в н.-луж. *wowa*, в.-луж. *wowka* 'Großmutter, бабушка', ср. лат. *ava* 'бабка'.

В книге Семереньи довольно много новых и, я бы сказал, дерзких этимологий. Например, и.е. *syekeuros он толкует как первоначальное *sye-koru-s 'глава рода, семьи' (Szemerényi, p. 65; относительно **sye-* см. выше, а второй компонент — к греч. *κορυφή* 'голова, верхушка' и далее — к и.е. **keras-*). Не все они убедительны; слав. *ženixъ, позднее производное с суф. *-(i)xъ* от глагола *ženiti, вовсе не необходимости реконструировать, вслед за автором, как и.е. *gʷeni-is-o 'ищущий жену' (Szemerényi, p. 74) тем более, что славянский знает только расширенную глагольную основу *jbskati. В целом книга читается с живым интересом и будит мысль своими — иногда экстравагантными — решениями, каково, например, объяснение и.е. **gʷen-*, *gʷenā 'жена' как производного от **gʷu-*,

³ Трубачев О. Н. История славянских терминов родства. М., 1959, с. 53.

*g^hou- 'корова' (следуют иллюстрации из современных английских романов и древних классиков, см. Szemerényi, p. 76 и сл.). Автор не упускает случая по-дискутировать, в частности, с Бенвенистом, подвергая сомнению положения, введенные последним в научный обиход, ср. вопрос о значении и.-е. *dom- 'социальная ячейка, семья' или 'дом, строение' (Szemerényi, p. 96 и сл.). В работе Семереньи обсуждается огромный материал, выходящий за рамки темы или связанный с ней маргинально⁴. Огромный пассаж посвящен племенному и социальному названию *arya-*. Автор готов в итоге допустить для него заимствованное, неиндоевропейское происхождение (Szemerényi, p. 146). Но прежде чем углубляться в угаритские тексты в поисках переднеазиатского источника этого термина, необходимо принять к сведению факт, что северно-понтийские иранцы, например сарматы, по свидетельству древних, называли сами себя *arya* — *Arii*, что делает упомянутую догадку сомнительной.

Из числа общих выводов автора («Conclusions and confrontations») останемся на его рассуждении об употреблении вокатива в роли номинатива (Szemerényi, p. 153). Кроме известных примеров из древних и живых языков, здесь фигурируют собственные примеры Семереньи: весьма проблематичный звательный падеж *dhugā (якобы в основе и.-е. *dhugāter) и *ienā — от *ienā, им. п. (в *ienāter), кроме того — в высшей степени сомнительный конструктор *ōšve (> лит. *ušvis* 'тесть'), якобы из спайки звательного оборота **ō švešure!* 'о свекор!' (там же, с. 154). Обращает на себя внимание, что автор дает в реконструкциях всегда исходы *-tēr*, *-ōr* с долготой. Вторичность долготы здесь очевидна, она должна быть объяснена (старый номинатив с краткостью *-ter*, *-or* получил функцию вокатива, после чего в роли номинатива выступает новая форма с долготой *-tēr*, *-ōr*⁵), а главное — снята при реконструкции. Вот почему целесообразно реконструировать первоначальное и.-е. *pāter, *māter, *bhrāter, *syesor.

Живо полемизируя против теорий реконструкции классификаторских систем родства и системы Омаха у индоевропейцев, автор склоняется (вслед за Леви-Строссом) к признанию у них авункулата («особое родственное чувство привязанности или боязни, существующее в бесчисленных культурах между племянником и дядей по матери. . .»), см. Szemerényi, p. 184). Дальше (с. 190) живописно изображается, как материнские дядья, обычно не живущие в той же семье, время от времени наезжают и, случается, дарят при этом подарки и как все это приятно (их приезд всегда желателен, к ним обращаются, называя 'dear uncle', а дядьев по отцу — просто, сухо 'uncle'. . .).

Автор резюмирует, определяя индоевропейское общество как патриархальное, патрилинейное, патрилокальное и «патрипотестальное» (Szemerényi, p. 206). Существование матриархата он либо подвергает сомнению, либо неохотно допускает только для «доиндоевропейских времен» (там же, с. 158). Семереньи демонстрирует полную осведомленность в работах по антропологии, прекрасно разбирается во всех четырех системах Омаха и сам составляет схемы. Не будучи антропологом, я бы не хотел непрофессионально спорить, но все же укажу автору на один релевантный факт из истории индоевропейского общества, который я тщетно искал и не нашел в книге Семереньи: *Σαυρομάται Γυναικοκρατούμενοι* 'женщины владычицы савроматы' (Scyl. Ca. guand. 70; Plin. NH VI, 19). Трудно отрицать, что один этот факт стоит многих схем и не соответствует таким дифференциальным признакам, как патриархальность, патрилинейность, патрилокальность, «патрипотестальность». . . Как раз наоборот. Эту черту савроматов/сарматов нельзя ни объявить неиндоевропейской, ни отнестись за счет субстрата, логичнее и проще видеть здесь реликт индоиранской и индоевропейской древности. Но, повторяю, эту сторону работы Семереньи я здесь не анализирую, ограничиваясь только лингвистическим планом, потому что считаю, что именно этот план — словообразо-

⁴ Между прочим, греч. *δοῦλος*, микен. *do-e-ro* 'раб' Семереньи почему-то реконструирует как **doselo-* (Szemerényi, p. 101), хотя это мало что дает. Ср. иную попытку: *Трубачев О. Н.* История славянских терминов родства, с. 37, примеч. 144: из **dhōj-elo-* 'ребенок', ср. лат. *filiius*, лтш. *dēls* 'сын', т. е. семантически — 'дитя, младенец' → 'раб'.

⁵ Ср.: *Kuryłowicz J.* L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956, p. 143 и сл.

ванше, этимология, лексическая семантика — остается главным и решающим в исследовании терминов родства, которое обогатилось теперь интересной, хотя и спорной в деталях, книгой О. Семереньи.

О. Н. Трубочев

Kiss Lajos. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978, 726 с.

Обширная книжная продукция Венгерской Академии наук украсилась в 1978 г. (в год 150-летия издательской деятельности ВАН) еще одним отличным изданием. Вышел «Этимологический словарь географических названий» Лайоша Киша. Эта красиво оформленная книга крупного объема интересна с разных точек зрения. Словарь, адресованный, конечно, прежде всего венгерскому читателю и представляющий собой как бы венгерскую языковую модель всего географического мира (6850 словарных статей-названий, из них значительная часть — географическая номенклатура самой Венгрии), содержит вместе с тем массу полезной информации о самых разных географических объектах и их географических названиях на различных языках, что бесспорно интересно для всех читателей вообще. Доброкачественность информации, в целом самый высокий научный уровень, богатство этимологического и прочего содержания придают этой публикации важность и значение также за пределами Венгрии, несмотря на языковой барьер (книга написана по-венгерски). Рецензент имел возможность убедиться в полезности сплошного, постраничного чтения этого труда и охотно готов поделиться своими наблюдениями и замечаниями, возникшими при этом.

С. 40: *Afganisztán*. . . «этимология неясна». Составителя, конечно, извиняет отдаленность предмета и литературы, но этимология этого названия страны и народа объяснена неплохо: *Avghan* 'афганцы' — из народнодиалектной формы *Assaka* (греч. 'Ἀσσακηνοί 'Ἀσσακαιοί в источниках о походе Александра) от санскр. *Aśvaka* 'всадники', одно из названий Гандхары (древнего Афганистана). См., вслед за В. де Сен-Мартемом, J. W. McCrindle. *Ancient India as described by Megasthenes and Arrian*. 2nd ed. Calcutta, 1960, p. 157—158*.

С. 50: *Alsó Kubin*, слвц. *Dolný Kubín*, город в Словакии (ср. *Superior Kolbin*, 1325 г.) оказывается, пытаются объяснить в связи с др.-швед. *Kylfin-gar*, т. е. варяжскими колбьягами.

В статье *Belgrád* (с. 101) характеризуется, помимо прочих полезных сведений и богатой библиографии, старовенгерское название Белграда — *Nándorfehérvár* (XIV в.) с первоначальным значением 'болгарский белый город', причем *nándor* возводится к этнониму дунайских болгар-тюрок — *ono-yundur*.

С. 244: *Göncruszka*, местечко на северо-востоке Венгрии (известия восходят к XIII в.), объясняется из слав. *Rusьka (*вьсь*) 'русская (деревня)', что указывает, по мнению автора, на восточнославянские поселения.

С. 317: *Karavanák*, нем. *Karawanken*, название гор на австрийско-югославской границе, интересно для славянского языкознания своей этимологией от кельт. *karvos* 'олень', ср. возможную его кальку в словен. *Košúta*, название части Караванских гор. Дело в том, что кельтский этимон этого оронима — *karvos* весьма близок слав. *korva 'корова' и может, в частности, иметь отношение к проблеме нарушения нормального сатемного рефлекса в последнем (слав. *korva, как известно, связано с и.-е. *koruā, *koravā 'рогатая' — через кельтское посредство?).

С. 337: *Kisászia* 'Малая Азия' объясняется как калька с лат. *Asia minor* греч. 'Ἀσία ἡ μικρά, нем. *Kleinasion*. Маленькая неточность: надо различать, с одной стороны — название в сравнительной степени — лат. *Asia minor*,

* Гадательное сближение с инд. этнонимом *avaḡāra* (VI в.) см.: *Оранский И. М.* Иранские языки в историческом освещении. М., 1979, с. 88, прим. 19.